

Психология ритуала и колдовства

Жизнь человека и общества всегда полна неудовлетворенных потребностей, не исполненных желаний, несостоявшихся надежд, неразрешимых конфликтов и т. п. Нерешенные проблемы в жизни индивида и общества — основа не только различного рода неврозов, но и причина социального напряжения и депривации. По этой причине общество в процессе своей эволюции выработало целый ряд механизмов снятия такого рода напряжения. Одним из них является ритуал, возникший еще в первобытную эпоху. Во время ритуала лишняя индивидуальная или социальная энергия «растворяется», уходит в пространство за счет монотонного повторения одних и тех же действий, аффектации чувств и т. д. В этом смысле ритуал выполняет катарсическую функцию¹. Понимаемый в самом широком смысле ритуал может включать в себя все формы поведения: от повседневных приветствий до торжественных обрядов католической праздничной мессы.

Проблеме сущности и функций ритуала посвящено множество литературы, однако единого мнения о феномене ритуала еще не сложилось. Ряд авторов отмечает преемственность между поведением животных и человека². Они отмечают, что животные исполняют ритуалы —

¹ Leach E. Ritualization in man in relation to conceptual and social development // Reader in comparative religion. London, 1978. P. 333–337.

² Baerends G. P. The functional organization of behaviour // Animal Behaviour. 1976. N 24. P. 726–738; Bailey K.G. Human Paleopsychology: Applications to Aggression and Pathological Processes. Hillsdale, 1987; Perspectives in Ethology. Vol. IV / Ed. by P. P. G. Bateson, P. H. Klopfer. New York, 1981; Daanje A. On the locomotory movements in birds and the intention movements derived from it // Behaviour. 1950. N 3. P. 48–98; Eibl-

набор однообразных, повторяющихся иррациональных действий. В основе «ритуального поведения» животных, являющегося биологической предтечей ритуальной обрядности человека, лежит, по их словам, проблемная ситуация: если нечто мешает особи совершить какое-либо инстинктивное действие, вытекающее из этой ситуации, то животное нередко «находит облегчение» в том, что совершает действие другое, совершенно не соответствующее обстоятельствам. В этологии это явление называется «смещением действий». Например, петухи во время конфликта с другими петухами часто начинают клевать землю, как бы собирая корм. Это — амбивалентное поведение, которое является результатом острого эмоционального состояния, вызванного двумя противоположными чувствами: ярость и гнев на конкурента и одновременно страх перед ним. Шимпанзе перед грозой начинают размахивать

Eibesfeldt I. 1) The fighting behavior of animals // *Scientific American*. 1961. N 205. P. 112–121; 2) Aggressive behavior and ritualized fighting in animals // *Science and psychoanalysis*, Vol. VI. Violence and war. New York: Crune and Stratton / Ed. by J. H. Masserman. New York: Grune & Stratton, 1963. P. 8–17; 3) Ritual and ritualization from a biological perspective // *Human ethnology: Claims and limits of a new discipline* / Ed. by Mario von Cranach; et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 3–55; Erikson E. H. Ontogeny of ritualization in man // *Philosophical Transactions of the Royal Society London*, 1966. P. 337–349; Hinde R. A. *Animal Behaviour: A Synthesis of Ethology and Comparative Psychology*. London, 1966; Huxley J. S. A discussion on ritualization of behaviour in animals and man // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B*. 1966–1967. N 251. P. 24–526; Leach E. R. Ritualization in man in relation to conceptual and social development // *Discussion on Ritualization of Behaviours in Animals and Man* / Ed. by J. Huxley. London, 1966. P. 403–408; Lorenz K. Ritualization in the psycho-social evolution of human culture // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. 1967. N 251. P. 278–284; *Primate Ethology* / Ed. by D. J. Morris. Chicago, 1967; Rappaport R. A. *Ecology, Meaning, and Religion*. Richmond, 1979; Schefflen A. E. Human communication: Behavioral programs and their integration in interaction // *Behavioral Science*. 1968. N 13/1. P. 44–55; Turbott J. The meaning and function of ritual in psychiatric disorder, religion and everyday behaviour // *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. 1997. N 31/6. P. 835–843; Wilson E. O. *Sociobiology: The New Synthesis*. Cambridge, 1975.

над головой палками и совершать прыжки в высоту. Несомненно, перед нами ритуальные действия, являющиеся результатом двух противоречивых состояний — желания и страха, злости и боязни³. Возникнув случайно, такие неадекватные действия в ходе эволюционного развития врожденной инстинктивной деятельности закрепились за конкретным эмоциональным (стрессовым) состоянием животных и принимали форму ритуала, выполняющего функцию коммуникации, средства общения. Ритуализация подобного рода «смещенных действий» достаточно хорошо изучена этологами. Постепенно ритуально-сигнальные действия начинают видоизменяться по сравнению со своими неритуализированными предшественниками, а именно: случайные и второстепенные их элементы постепенно отмирают, тогда как заметные, привлекающие к себе внимание компоненты, напротив, выходят на первый план. Итогом такой эволюции является автономизация ритуального поведения: оно превращается в независимое движение, выполняющее новую для него сигнальную функцию. Происходило это путем естественного отбора и было обусловлено той важной ролью, которую играла сигнальная функция в эволюционном процессе⁴.

Согласно К. Лоренцу, ритуальные действия в животном мире выполняют функцию разрешения проблемных ситуаций и амбивалентных эмоций не только в мире животных. По его мнению, можно говорить об аналогичной роли ритуальных действий и в жизни первобытных людей. Беспомощные перед силами природы, не осознавшие своих собственных сил, они постоянно попадали в ситуации, которые порождали в человеческой психике два конкурирующих друг с другом очага возбуждения. Эта конкуренция шла между желанием и страхом: охотник страстно желает убить животное, чтобы накормить соплеменников и одновременно переживает страх перед его когтями и клыками,

³ Лоренц К. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах // Природа. 1969. № 11. С. 45.

⁴ Лоренц К. Кольцо царя Соломона. М., 1978. С. 38–39.

испытывает тревогу, что в случае его слабости над группой нависнет угроза голодной смерти. Практическая немощь, несовершенство первобытных орудий труда приводит к преобладанию в психике человека отрицательных эмоций и превращению их в постоянный устойчивый эмоциональный фон. Последнее вызывает настоящую фобию, которая может оказать тормозящее влияние на активность человека. Общество поэтому остро нуждалось в средствах выхода из этих ситуаций, в инструментах избавления от подобного рода стрессов, в институтах, способных внушить человеку надежду и веру в благополучный исход его действий. Все это и привело к тому, что доставшиеся человеку в наследство от его животных предков биологические «ритуальные» действия получили новую жизнь.

Исполнение первобытным человеком определенного рода ритуальных действий погашало в его сознании один из двух конфликтующих друг с другом очагов возбуждения, придавало ему уверенность и, тем самым, способствовало решению той или иной практической задачи. В связи с тем, что многие его страхи и тревоги были мнимыми, воображаемыми страхами, то человек каменного века должен был убеждаться, что опасность (т. е. лишь его тревога и страх) проходят в результате исполнения магического ритуала. Анализируя физиологические механизмы воздействия такого рода ритуалов на человека, его психику, известный советский ученый, академик С. Н. Давиденков писал: «В самом деле, что делает с точки зрения динамики корковых процессов тот самый спешащий домой австралиец, который обламывает ветку дерева, чтобы остановить солнце? Он находится в состоянии тревоги вследствие застойной и аффективно окрашенной работы определенных кортикальных комплексов, эта тревога его мучает и ему мешает; гипертрофируясь, она начинает приобретать черты абсессии, и тогда человек создает в коре своего мозга новый пункт концентрации раздражительного процесса (все

равно какой, лишь бы был условно и иногда чисто случайно связан с основным перераздраженным пунктом и сам обладал достаточно аффектной окраской, чтобы сделаться для первого пункта источником внешнего торможения) и использует отрицательную индукцию из этого второго очага, чтобы успокоить остальную кору мозга. Тем самым, он уничтожает чувство мешающей ему тревоги и, конечно, получает больше шансов попасть домой до захода солнца»⁵.

С такой ситуацией сталкивается и современный человек в повседневной жизни. Чувство беспокойства возникает, когда у нас возникают определенные желания, но отсутствуют реальные способы их удовлетворения. Тогда оно может проявиться в ритуальном поведении: именно здесь лежит ключ к разгадке поведения суеверных людей, использующих различные личные амулеты, талисманы, верящих в приметы и т. д. Такое поведение относится к третьему классу остаточных категорий Парето — необходимость выражения чувств внешними действиями. Известный американский психолог Р. Виллэнгли в статье «Магия и сходные с ней явления» по интересующему нас вопросу пишет, что клинические, психологические и физиологические данные показывают неизбежность и закономерность дезорганизации поведения личности, страданий, устойчивого стремления к расслаблению, покою вследствие или по причине конфликтного столкновения сильных эмоций и волнений с моторными реакциями. Этот синдром называется по-разному: «аффект», «стресс», «беспокойство», «невроз». Стремление к покою вносит в действие явные или скрытые формы поведения, основной характеристикой которой является их сжатый или символический характер и их относительная индифферентность, нейтральность и непроницаемость (из-за необходимости достигнуть покой как можно быстрее) к обычным проверкам, задержкам и ускорениям, создаваемыми объективной

⁵ Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947. С. 138.

реальностью; таким образом они объективно неадаптивны, но субъективно адаптивны до такой степени, что желаемый покой фактически достигается⁶.

К числу неадаптивных форм поведения относится и первобытный магический ритуал. Вначале магические ритуалы как защитные механизмы могли появляться среди более слабых и неуравновешенных членов племени, которые, возможно, индивидуально создавали такие механизмы для личного пользования. Потом они заимствовались другими членами первобытного коллектива и постепенно превращались в обязательный для всего коллектива ритуал, ибо его эффективность подтверждалась субъективной практикой членов племени. Изобретенные отдельными индивидами такие ритуалы, «проверенные» на опыте соплеменниками, воспринимались во многом и в силу внушаемости⁷.

Социальная сущность этих защитных механизмов, имеющих форму магических ритуалов, состояла в снятии тормозящего человеческую активность воздействия сильных отрицательных возбудителей (страх и неуверенность). Аналогичную социально-психологическую роль играли и другие формы магии (гадание, бросание жребия, предсказание судьбы и т. д.), игравшие не меньшую роль в жизни первобытного коллектива, чем исполнение колдовских ритуалов. Практически у всех племен ни одно важное решение не принималось без совета с гадалками и предсказателями или же без бросания жребия. В этом случае, растерявшись перед лицом внешних факторов, первобытные люди как бы снимали с себя ответственность, перекладывали ее на магические силы предсказателя или жребия. Глубокий социально-психологический анализ «феномена жребия» провел известный психолог

---

⁶ Willoughly R. R. Magic and cognate phenomena: An hypothesis // Handbook of social psychology / Ed. by C. Murchinson. New York, 1935. P. 461–519.

⁷ Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.; Л., 1958.

Л. С. Выготский. Он отметил тот факт, что как животные, так и люди при столкновении противоположных нервных процессов (возбуждения и торможения) отвечают нервным стрессом, приводящим к бездеятельности и пассивности. Последнее для животных и первобытных людей было равносильно гибели, поэтому уже древнейшие люди изобрели вспомогательные средства типа магического жребия. Человек бросает жребий и, тем самым, искусственно вводит в ситуацию, изменяя ее, несвязанные с ней новые вспомогательные стимулы. Примечательно, что он сам создает искусственную ситуацию и определяет свое возможное поведение при помощи введенного им стимула-средства и, тем самым, выходит из состояния пассивности и стресса, обращаясь к «символическим конструкциям». Л. С. Выготский высоко оценивает такое открытие для культурного развития человека⁸.

Итак, подводя итоги сказанному, позволим себе согласиться с мнением британского антрополога Б.Малиновского, считавшего, что магия дает человеку возможность уверенно добиваться важных целей, сохранять свое равновесие и свою психическую целостность в приступах гнева, в муках ненависти, неразделенной любви, отчаяния и страха. Функция магии поэтому, заключается в том, чтобы ритуализовать оптимизм человека, поддержать его веру в победу надежды над страхом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

---

⁸ Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1983. С. 68. См. также: Прилуцкий А. М. Влияние контекстных изменений на структуру религиозных ритуалов и значение их простейших элементов. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер: Социальные науки. 2012. № 2. С. 135–139.

1. Baerends G. P. The functional organization of behaviour // *Animal Behaviour*. 1976. N 24. P. 726–738.
2. Bailey K. G. *Human Paleopsychology: Applications to Aggression and Pathological Processes*. — Hillsdale: Erlbaum Associates, 1987. — 572 p.
3. Daanje A. On the locomotory movements in birds and the intention movements derived from it // *Behaviour*. 1950. N 3. P. 48–98.
4. Eibl-Eibesfeldt I. The fighting behavior of animals // *Scientific American*. 1961. N 205. P. 112–121.
5. Eibl-Eibesfeldt I. Aggressive behavior and ritualized fighting in animals // *Science and psychoanalysis*, Vol. VI. Violence and war. New York: Grune and Stratton / Ed. by J. H. Masserman. New York: Grune & Stratton, 1963. P. 8–17.
6. Eibl-Eibesfeldt I. Ritual and ritualization from a biological perspective // *Human ethnology: Claims and limits of a new discipline* / Ed. by Mario von Cranach; et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 3–55.
7. Erikson E. H. Ontogeny of ritualization in man // *Philosophical Transactions of the Royal Society London*. 1966. P. 337–349.
8. Hinde R. A. *Animal Behaviour: A Synthesis of Ethology and Comparative Psychology*. — London: McGraw-Hill, 1966. — 534 p.
9. Huxley J. S. A discussion on ritualization of behaviour in animals and man // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B*. 1966–1967. N 251. P. 24–526.
10. Leach E. R. Ritualization in man in relation to conceptual and social development // *Discussion on Ritualization of Behaviours in Animals and Man* / Ed. by J. Huxley. London : Royal Society, 1966. P. 403–408.
11. Leach E. Ritualization in man in relation to conceptual and social development // *Reader in comparative religion*. London: Collins, 1978. P. 333–337.
12. Lorenz K. Ritualization in the psycho-social evolution of human culture // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. 1967. N 251. P. 278–284/
13. *Perspectives in Ethology*. Vol. IV / Ed. by P. P. G. Bateson, P. H. Klopfer. — New York: Plenum, 1981. — 262 p.
14. *Primate Ethology* / Ed. by D. J. Morris. — Chicago: Transaction Publishers, 1967. — 384 p.
15. Rappaport R. A. *Ecology, Meaning, and Religion*. Richmond, 1979; Schefflen A. E. *Human communication: Behavioral programs*

and their integration in interaction // Behavioral Science. 1968. N 13/1. P. 44–55.

16. Turbott J. The meaning and function of ritual in psychiatric disorder, religion and everyday behaviour // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. 1997. N 31/6. P. 835–843.

17. Willoughly R. R. Magic and cognate phenomena: An hypothesis // Handbook of social psychology / Ed. by C. Murchinson. New York: Russel and Russel, 1935. P. 461–519.

18. Wilson E. O. Sociobiology: The New Synthesis. — Cambridge: Belknap Press, 1975. — 697 p.

19. Анисимов А. Ф. Религия эвенков. — М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. — 234 с.

20. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 3: Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. — М.: Педагогика, 1983. — 367 с.

21. Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. — Л.: ГИДУВ, 1947. — 382 с.

22. Лоренц К. Кольцо царя Соломона. — М.: Знание, 1978. — 208 с.

23. Лоренц К. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах // Природа. 1969. № 11. С. 42–51.

24. Малиновский Б. Магия, наука и религия. — М.: Рефлбук, 1998. — 304 с.

25. Прилуцкий А. М. Влияние контекстных изменений на структуру религиозных ритуалов и значение их простейших элементов. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер: Социальные науки. 2012. № 2. С. 135–139.